

Соловьев С. А.¹,

научный сотрудник кафедры публичного права

Юридического факультета

Государственного академического университета

гуманитарных наук (ГАУГН), адвокат,

управляющий партнер АБ г. Москвы «СОСЛОВИЕ»,

кандидат юридических наук

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИНСТИТУТУ СТОРОНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Категория интереса в праве вообще [8–13] и интереса в уголовном судопроизводстве [14–19] в частности имеет весьма продолжительную научно-исследовательскую историю. Вместе с тем применительно и к заявленной теме, и к возможностям научной статьи как вида публикации нам бы хотелось затронуть лишь вопросы процессуально-правового соотношения между понятием стороны в уголовном судопроизводстве и комплексом частных и публичных интересов объективно в нем присутствующим.

Понятие сторон в уголовном судопроизводстве, в отличие от понятий частного и публичного интереса, имеет свое нормативное закрепление (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Столкновение защищаемого государством публичного интереса и интереса частного составляет существо уголовного дела [1, с. 318]. Соглашаясь с указанной формулой, и прежде чем говорить о соотношении публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве, попытаемся для начала определить их содержание (материальное и/или процессуальное), а затем через призму наполнения этих правовых категорий попробуем выявить взаимосвязь между субъектом, отстаивающим в уголовном процессе тот или иной интерес, с возможностью отнесения его к категории стороны в уголовном судопроизводстве.

Очевидно, что публичный интерес в уголовном судопроизводстве проистекает из его государственной природы [1, с. 3] и в основе своей обусловлен общественной опасностью деяния, запрещенного к совершению Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) под угрозой наказания. Нами поддерживается позиция о двойственной природе публичного интереса в уголовном судопроизводстве, содержащего в себе как процессуально-правовой, так и материально-правовой элемент.

Материально-правовая составляющая публичного интереса заключается в обеспечении неотвратимости наказания в отношении лица, совершившего преступление, а процессуально-правовая – в обеспечении этого результата уполномоченными органами государственной власти в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Здесь непременно стоит отметить, что процессуально-правовая составляющая публичного интереса не может не предусматривать обязательную защиту частного интереса в уголовном процессе, что

¹ © Соловьев С. А., 2025.

обусловлено той максимой, что «в уголовном процессе от функции защиты прав граждан вообще не может быть освобождён ни один государственный орган» [1, с. 324], а в обязанность государства в уголовно-правовой сфере входит максимальное оказание публично-правовой поддержки «правомерным частным интересам обвиняемого, поскольку правомерный частный интерес обвиняемого всегда совпадает с интересом публичным (добиваться осуждения только виновных лиц, исключить уголовную ответственность невиновных и т. п.) и a priori не может ему противоречить» [1, с. 329]. Аналогичной позиции придерживался в этом вопросе и М. С. Строгович, отмечавший, что «законный интерес обвиняемого... ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им соответствуют» [2, с. 74].

Схожий подход применим и к частному интересу потерпевшего по уголовному делу, который в большинстве случаев, не просто совпадает с публичным интересом, но и находится под защитой государственных органов, в которой сами потерпевшие всегда крайне заинтересованы, понимая безусловную зависимость качества защиты своих прав и законных интересов от соответствующей деятельности государства. В этой связи П. К. Барабанов, проводя сравнительное исследование позиции потерпевшего по УПК РФ и в Итальянской республике, отмечает, что потерпевший в Италии «не имеет самостоятельной цели, направленной на вынесение судебного решения, а роль пострадавшего сводится к присоединению к действиям прокурора, направленным на продвижение уголовного преследования» [3, с. 107].

При ближайшем рассмотрении такой подход к определению публичного интереса имеет очевидную корреляцию с положениями ст. 6 УПК РФ, определяющими назначение уголовного судопроизводства.

В научной дискуссии по этому вопросу предлагается отдельно выделять уголовно-процессуальный интерес [20–21], который, состоит в правовой возможности реализации субъектом уголовно-процессуальных правоотношений своих процессуальных прав в том числе для восстановления нарушенных прав [20, с. 15] и требует его «отстаивания в присутствии независимого арбитра – суда» [4, с. 279].

По справедливому замечанию Л. В. Головки [1, с. 318] спорность данного тезиса заключается в первую очередь в том, что в ходе сущностной реализации уголовного судопроизводства нет спора о процессуальных интересах, а существует исключительно материально-правовой спор о наличии в деянии состава преступления, установленного уголовным законодательством, и его совершения конкретным лицом (лицами). В какой-то мере о наличии уголовно-процессуального спора можно вести речь только в обособленных судебных процедурах, в которых, в частности, судом решается вопрос об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) конкретной меры пресечения, либо продления сроков ее действия. Возможное отнесение этого спора к категории уголовно-процессуальных обуславливается фактом принятия судом решения по нему исключительно на основании только тех требований, которые закреплены в уголовно-процессуальном законе, и недопустимости затрагивания вопросов, отнесенных

к стадии разрешения уголовно-правового спора по существу. Вместе с тем в широком смысле даже этот спор являет собой реализацию публичного интереса в уголовном судопроизводстве, где материально-правовая составляющая этого интереса (неотвратимость наказания) обеспечивается реализацией его процессуально-правовой составляющей через нормативно прописанную процедуру избрания судом в отношении обвиняемого меры пресечения (ст.ст. 1051, 106, 107, 108 УПК РФ) или продления сроков ее действия (ст. 109 УПК РФ). Частный интерес в таком виде спора а priori может выражаться только в буквальном соблюдении судом требований уголовно-процессуального закона, что гарантирует подозреваемому (обвиняемому) максимальную защиту его конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации), в том числе путем минимизации их ограничений во взаимосвязи с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, что вновь не формирует какого-то индивидуального частного интереса, не охватываемого публичным интересом в его широком смысле.

В этой связи решая вопрос о возможности присутствия в уголовном судопроизводстве частного интереса в его первичном, а не акцессорном значении, возникает необходимость в определении условий для этого. Очевидно, что в уголовных делах частного обвинения (гл. 41 УПК РФ) именно частный интерес выступает главным двигателем уголовно-правовой претензии. Отсутствие в делах этой категории государственного обвинителя обуславливает необходимость формулировки обвинения исключительно частным лицом (обвинителем) (ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК РФ), что во взаимосвязи с возможностью привлечения к уголовной ответственности только физического лица дает основание говорить о прямой демонстрации в уголовно-правовом споре частных интересов двух спорящих субъектов, имеющих общую самостоятельную цель, направленную на вынесение судебного решения. При этом данное судебное решение, по мнению спорящих, должно обеспечить достижение именно его частного интереса, который, в свою очередь, и является объектом, представляющим ценность в уголовно-правовом отношении, что дает основание согласиться с позицией, что «интерес – не абстрактное понятие, а совершенно определенная предметная категория» [5, с. 105].

Важным является также то обстоятельство, что каждый из участников указанного уголовно-правового спора, рассматриваемого в порядке частного обвинения, процессуально и фактически равноправен своему оппоненту, что в совокупности со всеми вышеуказанными признаками:

1) обеспечение реализации частного интереса через разделение функций спорящих;

2) процессуальное безвластное равноправие, формирующее состязательное начало в отправлении судопроизводства;

3) наличие функционально-беспристрастного арбитра в лице мирового судьи – дает основание для отнесения участников данного частного уголовно-правового спора к процессуально-правовой категории сторон в уголовном судопроизвод-

стве, то есть его участников, выполняющих в условиях судебного разбирательства на основе состязательности и равноправия сторон функцию обвинения (уголовного преследования) и защиты от обвинения.

При этом дела данной категории не лишены и публичного интереса, который в отличие от основной массы уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения в его материально-правовой компоненте обеспечивается деятельностью частного обвинителя, а в процессуально-правовой – мировым судьей.

Что же касается уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, то в них, в соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ, уголовное преследование от имени государства осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель [22].

Частный интерес указанных должностных лиц в уголовном судопроизводстве существовать не может, так как его наличие является безусловным основанием для устранения указанных профессиональных субъектов отправления правосудия от участия в конкретном уголовном деле.

Публичный же интерес прокурора, а также следователя и дознавателя в его материально-правовой составляющей фактически неизменен и направлен на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление, а процессуально-правовому видоизменению подвергается лишь инструментарий достижения этой составляющей публичного интереса, зависящий от стадии уголовного процесса.

Частный интерес по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения принято приписывать обвиняемому (подсудимому), а также потерпевшему по тем составам преступлений, где данная процессуальная фигура присутствует.

Полностью соглашаясь с позицией о субсидиарной роли потерпевшего в уголовном судопроизводстве [1, с. 351–362; 23], который в делах вышеуказанных категорий может действовать в уголовном деле только наряду с государственным обвинителем, выполняющим публично-правовую функцию, отмечаем, что субсидиарность роли потерпевшего в таких делах фактически нуллифицирует возможность несовпадения его частного интереса с публичным.

Кроме этого стоит отметить, что выполнение субсидиарной функции обвинения со стороны потерпевшего в делах вышеназванной категории зависит от желания последнего. Это обстоятельство во взаимосвязи с возможностью отсутствия в принципе фигуры потерпевшего в делах указанной категории свидетельствует о недопустимости наделения этого участника признаками стороны в уголовном судопроизводстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как реализация функции уголовного преследования и обвинения по ним во всех случаях будет обеспечиваться представителем государственной власти в лице государственного обвинителя, а не потерпевшим.

Применительно же к положению государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве обеспечение им публичного интереса формируется через нуллификацию его процессуально-властных полномочий, что позволяет обеспечить реализацию конституционных и взаимосвязанных с ними положений уголовно-процессуального закона об осуществлении в том числе уголовного судопроизводства на основании состязательности и равноправия сторон перед судом (ч. 3

ст. 123 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Как указывал И. Я. Фойницкий, «правительство в суде уголовном участвует в двойном качестве: как орган суда и как сторона» [6, с. 159].

Частный интерес обвиняемого (подсудимого) в рамках уголовного судопроизводства формируется, в свою очередь, через реализацию процессуально-правовой компоненты публичного интереса, обеспечивающей строгое соблюдение всех прав и защиту законных интересов подсудимого как при расследовании, так и при рассмотрении конкретного уголовного дела по существу. Как отмечал И. С. Дикарев, «законным является тот интерес, на удовлетворение которого субъект имеет право рассчитывать» [7, с. 57].

Вместе с тем, в отличие от потерпевшего, подсудимый в стадии судебного рассмотрения предъявленного ему уголовно-правового иска, оформленного в уголовном судопроизводстве через постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в полном объеме соответствует понятию стороны в уголовном судопроизводстве, так как, находясь перед судом в состоянии процессуального равноправия со стороной государственного обвинения, реализует в условиях максимально возможной состязательной процедуры функцию защиты от предъявленной ему от имени государства уголовно-правовой претензии.

Как отмечал П. К., Барабанов «для того, чтобы выступать как «сторона» необходимо, чтобы у субъекта имелась самостоятельная цель, направленная на вынесение судебного решения» [3, с. 107]. Подсудимый вне всякого сомнения имеет цель получения судебного решения, в котором были бы максимально учтены все его доводы, составляющие защитительную позицию по конкретному уголовному делу, что формирует законные основания к отнесению подсудимого, как участника с частными интересами в уголовном процессе к категории стороны в уголовном судопроизводстве.

В этой связи можно сделать вывод, что соотношение публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве можно рассматривать только как соотношение целого и его части. Искусственное разделение этих интересов будет с одной стороны направлено на разрушение двуединого назначения уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а с другой позволит обосновать недопустимое, в имеющем безусловный государственный характер уголовном судопроизводстве, освобождение государства от обязательной защиты в уголовном судопроизводстве в том числе частного интереса.

Список литературы

1. Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022.
2. Строгович М. С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 73–81.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М. : Спутник+, 2019.
4. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации : монография / под ред. Н. С. Мановой. М. : Юрлитинформ, 2019.

5. Коврига З. Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации : сборник научных трудов. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1989. С. 104–112.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1912.
7. Дикарев И. С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.
8. Иеринг Р. Интересы и право. Ярославль, 1880.
9. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории : монография. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1964.
10. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986.
11. Субочев В. В. Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009.
12. Права гражданина и интересы публичной власти : монография. М. : Статут, 2021.
13. Интересы в современном российском праве : монография. М. : Проспект, 2023.
14. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
15. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российской уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
16. Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
17. Меженина Л. А. Публичность российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
18. Смолькова И. В., Мазюк Р. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 156–169.
19. Попова И. А. Назначение уголовного судопроизводства и категория «Интерес» // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 93–101.
20. Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 14–18.
21. Зайцева Е. А. Особенности действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н. С. Мановой. М., 2019. С. 268–270, 279.
22. Соловьев С. А. Понятие «сторона» в уголовном судопроизводстве России // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 126–132.
23. Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 41–46.